

И.В. Черданцева

Специфика иронии как способа конструирования возможных миров и смыслов

I.V. Cherdantseva

The Specificity of Irony as a Way to Construct Possible Worlds and Meanings

Статья посвящена изучению конструктивного характера познавательной деятельности человека. Анализируя противоречивый характер иронического высказывания, автор приходит к заключению, что ирония является одним из эффективных способов конструирования возможных миров и смыслов. Кроме этого, конструирующая функция иронии может быть использована в процессе познания различных аспектов реальности.

Ключевые слова: познание, ирония, ироническое высказывание, конструктивизм, способ конструирования.

This article is devoted to the study of the constructive nature of human cognitive activity. Analyzing the controversial nature of ironic utterances the author concludes that irony is one of the most effective ways to construct possible worlds and meanings. In addition, a constructive function of irony can be used in the process of learning of different aspects of reality.

Key words: cognition, irony, ironic utterance, constructionism, way of constructing.

Вряд ли можно сомневаться в том, что конструирование как форма философской деятельности позволяет философу активно развивать свой творческий потенциал, участвуя в познании себя и мира. В настоящее время тема конструктивизма популярна не только в зарубежной эпистемологии, но и в отечественной теории познания, причем эта популярность не в последнюю очередь «связана с особенностями современной социальной жизни и с ролью в ней виртуальной реальности и новых информационных технологий, которые в некотором смысле творят современную реальность» [1, с. 6].

Однако, говоря о философском значении конструктивизма, следует отметить, что он актуален не только в современной ситуации философствования, поскольку в истории философской мысли можно выделить периоды, характеризующиеся ярко выраженным конструктивистским унастроением. Одним из таких периодов является философия Нового времени с ее идеей активной позиции субъекта познания по отношению к познаваемому объекту. Такая познавательная установка предусматривает целенаправленное вмешательство человека в изучаемые им явления и предполагает не только описание, но и конструирование фактов, в результате которого субъект начинает чувствовать себя творцом не только своего собственного мира, но отчасти и природной реальности. Дж. Вико развивает очень интересную мысль о том, что человек может познать лишь то, что создано им самим; Дж. Беркли с его «существовать – зна-

чит быть воспринимаемым» акцентирует внимание на содержании сознания субъекта. Но наиболее значительная роль в формировании представления о конструирующей деятельности как специфике именно человеческой деятельности, безусловно, отводится И. Канту, который продолжает традицию Нового времени. Поскольку познающий индивид имеет дело не с вещами-в-себе, а с феноменами, которые не могут быть даны вне априорных форм чувственности и рассудка, постольку он как трансцендентальный субъект обречен на конструирование опыта, являющегося вследствие этого субъектной конструкцией. Впоследствии конструктивистские идеи, связанные с тем, что человек не только познает мир как не зависящую от него реальность, но и создает мир как собственный проект, развивались разными философами и философскими направлениями; эти идеи в той или иной степени можно обнаружить в философских учениях И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, К. Маркса, Фр. Ницше, Г. Когена, Э. Кассирера, Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна и др.

Рассматривая современные конструктивистские представления, можно выделить позиции радикального и умеренного конструктивизма. Сторонники радикального конструктивизма заявляют о том, что существование не зависящей от познающего субъекта реальности невозможно, и настаивают на понимании любых когнитивных образований как субъективных конструкций. Умеренные конструктивисты, трактуя реальность как тайну, полагают, что следует признать

существование этой тайны как предпосылки субъективного опыта. Так, например, критикуя радикальный конструктивизм, представители эволюционной эпистемологии К. Лоренц и его ученики, изучая когнитивные механизмы живых существ, отмечают, что в самих этих механизмах заложена тенденция объективации, выработанная в процессе эволюции и связанная с очищением результатов восприятия от произвольных факторов (в качестве которых могут выступать, например, телесные особенности или индивидуальные психические характеристики). Следовательно, знание нельзя рассматривать как итог произвольного конструирования мира, поскольку оно является некой эволюционной формой приспособления организма к условиям окружающей среды.

Как мы видим, главная дискуссия между представителями радикального и умеренного конструктивизма разворачивается в онтологической плоскости: если радикальные конструктивисты отрицают все виды данности объекта познающему субъекту, то умеренные конструктивисты говорят о том, что конструктивная деятельность субъекта имеет ограничения, связанные с существованием тех или иных объективных данностей. Однако гносеологический статус конструктивизма не вызывает споров ни у представителей радикального, ни у поклонников умеренного направления, и идея о том, что познание имеет активно-конструктивный характер, признается подавляющим числом исследователей.

Более того, конструктивный характер познания вряд ли может вызвать сомнение даже у представителей репрезентативных философских концепций. Независимо от того, как будет решена знаменитая дилемма «конструкция или репрезентация» в каждом конкретном случае философствования, большинство философов, занимающихся гносеологической проблематикой, признают значение конструирования в познавательных процедурах. В связи с этим особую важность приобретает вопрос о поиске способов конструирующей деятельности.

Мы полагаем, что в качестве одного из таких способов может выступать ирония. Специфика иронии как способа конструирования возможных миров и смыслов в той или иной мере проявляет себя уже в античной философской мысли, достигая яркого выражения в философии немецкого романтизма, когда ирония приобретает статус философско-эстетической категории. Эта специфика задается амбивалентным характером иронического суждения, в котором явный смысл, непосредственно утверждаемый ироником, противоположен скрытому смыслу, действительно выражаемому ироником в своем высказывании. При этом интересно то, что характер соединения противоположных смысловых структур в ироническом суждении может быть разным. Иногда скрытому смыслу иронического высказывания отводится ве-

дущее место в ироническом философском дискурсе, и главной задачей ироника становится привлечение внимания собеседника к тезису, отрицающему произнесенное утверждение. А иногда совмещение взаимно исключающих друг друга смыслов происходит таким образом, что ни одному из них не дается предпочтения и признаются их равные права на существование. В любом случае своеобразие иронии как философской категории, предполагающей построение на фоне одной смысловой структуры другой структуры, противоположной первой, позволяет трактовать иронию как способ конструирования возможных миров и смыслов.

Одно из наиболее отчетливых и ярких представлений об иронии как способе конструирования возможных миров предлагает философия постмодернизма в лице таких представителей, как Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр. Несмотря на многообразные нюансы, в целом ведущие идеи постмодернизма связаны с игнорированием традиционных метафизических представлений и стремлением к построению воображаемых миров и смыслов разного порядка и уровня. Возможность создать новый, *другой* смысл, по мнению постмодернистов, присутствует всегда, если есть хотя бы какой-нибудь один смысл и какой-нибудь один мир. И когда встает вопрос о процедуре, с помощью которой можно задать направленность на *другое*, с учетом того, что это *другое*, в свою очередь, способно к порождению бесконечной череды новых *других*, представители постмодернизма обращаются к иронии как способу, позволяющему конструировать вероятные формы, процессы и состояния. «Высокий модернизм всегда ироничен, так же как древнее искусство было религиозно. Подобно тому как чувство сакрального вело к видению потусторонней реальности, давая ей основание и предопределяя смысл, также ирония открывает под и в пределах этого видения поле интеллектуальной разминки, вибрирующую атмосферу воображения и исподволь рождает методы создания вещей, которые становятся символами более значимой реальности. Обыграть вещи иронически не значит высмеять их... Это достаточно творческое видение, направленное на то, чтобы превзойти и управлять ими» (цит. по: [2, с. 15]). Эти слова подчеркивают конструирующий характер иронии, создающей новую смысловую реальность.

Понимание иронии как способа конструирования возможных миров и смыслов подтверждает также трактовка иронии как формы соблазна, предложенная Ж. Бодрийяром. Характеризуя феномен соблазна, французский философ фактически описывает процесс иронического построения вероятных смыслов. Более того, иногда создается впечатление, что для Ж. Бодрийяра соблазн и ирония – это вообще тождественные понятия. Французский мыслитель обращает внимание на то, что ирония и соблазн являются по-

своей природе провокационными структурами, нацеленными на изменение существующего положения вещей. Ирония так же, как и соблазн, «искушает» реальность и ее фрагменты; сомневаясь в одном смысле, она предлагает другой, в котором впоследствии тоже начинает сомневаться, снимая ограничения с работы творческого воображения.

По мнению Ж. Бодрийера важно, что ирония не только разрушает, но и создает новые перспективы видения мира и человека. При этом получается, что любая попытка сконструировать окончательную модель мира является бессмысленной, а любое описание реальности имеет относительный характер, поскольку оно существует в определенном времени и зависит от социокультурных форм и приоритетов этого времени. В этой ситуации ирония не ищет абсолютную истину, а лишь указывает на относительность наших представлений о мире; она провоцирует замену одних видимостей (картин мира) другими и тем самым показывает, что возможен процесс конструирования реальности по любым правилам. Искушая все устои, сомневаясь во всех метарассказах, ирония «не взыскует своей истины, но соблазняет» [3, с. 61], и эта особенность иронии, наверное, является одной из главных причин отождествления иронии и соблазна Ж. Бодрийером. Ирония расшатывает любую видимость, конструируя иные видимости и осуществляя тем самым «выворачивание наизнанку мнимой глубины реальности, переворачивание всякой психологии, анатомии, истины и власти» [3, с. 62]. И хотя самой иронии не принадлежит ничего, кроме видимостей, и от нее ускользают все формы власти, тем не менее ей «по силам обратить, повернуть обратной стороной все знаки власти» [3, с. 62] и создать новые миры и смыслы.

Ранее было отмечено, что ироническое конструирование применяется не только представителями постмодернизма, но и многими другими философами, относящимися к иронии как к познавательной струк-

туре. Данная особенность иронического познания интересна не только мыслителям, отрицающим традиционные метафизические учения и классические концепции истины (среди которых аристотелевский критерий соответствия знания реальному положению дел занимает ведущие позиции). Философы, признающие ценность метафизики, например немецкие романтики, утверждая веру в существование единого универсума, обращаются к иронии затем, чтобы с ее помощью приблизиться к истинному знанию о бесконечной реальности. Те миры, которые создаются при этом, связаны с попытками понимания универсума и стремлением найти адекватные формы для выражения полноты жизни. Поэтому способность иронии осуществлять построение новых структур используется в философии не только для того, чтобы конструировать какие-то альтернативные миры возможностей, но и для того, чтобы познавать истинную реальность (естественно, при условии признания факта ее существования). Таким образом, в метафизических теориях иронический способ конструирования миров и смыслов в конечном итоге становится ироническим способом познания реальности, а в философии постмодернизма с ее ярко выраженным антиметафизическим статусом способность иронии создавать новые миры рассматривается как самостоятельная и имеет самостоятельное значение.

Подводя итоги данной статьи, хочется еще раз обратить внимание на то, что специфика иронического способа конструирования других миров и смыслов органично вытекает из специфики иронического дискурса и его основного элемента – иронического высказывания, соединяющего противоположные смысловые элементы. Акцент, сделанный исследователем на отрицании высказанного смысла, инициирует возникновение новых иронических суждений, ведущих к появлению новых миров и новых смысловых структур.

Библиографический список

1. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») / В.А. Лекторский, В.Ф. Петренко, Б.И. Пружинин и др. // Вопросы философии. – 2008. – №3.

2. Glicksberg Ch. I. The Ironic Vision in Modern Literature. – The Hague, 1969.

3. Бодрийер Ж. Фрагменты из книги «О соблазне» // Иностранная литература. – 1994. – №1.